

В эпоху Тан и Сун существовало три категории отделов Департамента государственных дел: передние, средние и задние ряды. К передним относились Ведомство чинов и Управления левого и правого секторов, к средним — Уголовный отдел и Ведомство подворий, а к задним — Работный отдел и Отдел ритуалов. Хотя названия должностей в передних и задних рядах могли совпадать, их статус различался кардинально. Например, ланчжун отдела жертвоприношений, будучи главой одного из четырёх управлений Отдела ритуалов, принадлежал именно к задним рядам.

Ванъэр открыла глаза ровно в половине третьего ночи. Накануне, отходя ко сну, императрица У дала ей выходной, поэтому сегодня не нужно было с рассветом спешить на службу. Однако проснулась она даже раньше обычного.

В детстве все твердили, как тяжела жизнь простолюдинов, и каждый стремился выбиться в люди. Маленькая Ванъэр, наслушавшись таких разговоров, приходила домой и спрашивала матушку, но в ответ чаще всего слышала лишь вздох или горькую усмешку.

«Лишь бы человек был жив да здоров, а остальное — не так уж важно», — часто повторяла матушка.

Тогда Ванъэр не понимала этих слов. Лишь за три-четыре года службы при императрице У она постепенно ощутила, как холодно бывает на вершине, и осознала чувства матери — эту смесь страха и зависти. Её дед, некогда столь влиятельный — молодой министр, заместитель главы ведомства четвёртого ранга, единолично ведавший императорскими указами, человек выдающегося ума и таланта, — погиб из-за супружеской ссоры императорской четы. Не только сам был казнён, а семья уничтожена, но и посмертно обвинён в измене, оставшись без могилы и поминания.

Если бы Ванъэр не познала во всей полноте, как тяжка участь подчинённого, она, возможно, не так остро переживала бы судьбу деда и отца. Но она не только познала эту тяжесть, но и постепенно вкусила сладость богатства и власти, отчего её чувства по поводу того старого дела становились всё запутаннее.

Новый император правил уже полгода, а власть вдовствующей императрицы лишь крепла. Чтобы ограничить влияние канцлеров, она, помимо назначения родичей У и выдвижения выходцев из простых семей, намеренно или нет переносила многие государственные дела во Внутренний двор, поручая их Гао Яньфу, А-Цин, госпоже Хэлоу и самой Ванъэр.

Благодаря литературному дарованию Ванъэр составила несколько важных указов, а её предложения по управлению стали частыми. Если судить лишь по количеству составленных проектов, невзирая на их значимость, возможно, даже один-два учёных Северных ворот не могли с ней сравниться. Раньше канцлеры замечали лишь главных придворных дам и высших евнухов, но теперь постепенно стали замечать и Ванъэр. Любой министр при встрече вежливо называл её «госпожой Цайжэнь», а в праздники неизменно присылал визитные карточки и подарки.

С тех пор как Ванъэр попала во дворец, она была всего лишь конфискованной служанкой, и хотя дядя её опекал, приходилось везде кланяться и во всём быть осторожной. Первые два года при императрице У, пока не укрепились, она вела себя сдержанно, и лишь в последние пару лет начала по-настоящему ощущать вкус уважения. Самое прекрасное было в том, что это уважение исходило не только от грубых евнухов и служанок внутри дворца, но и от важных сановников Внешнего двора.

Те самые министры, которые, подобно её деду и отцу, происходили из знатных родов, обладали обширными познаниями и величавой осанкой, часто обсуждали с этой малой Цайжэнь дела, по которым сами не могли прийти к решению. Хотя императрица У задавала вопросы скорее в шутливом, испытующем тоне, Ваньэр не смела самонадеянно высказывать мнение — разве что, угадывая мысли государыни, осторожно роняла пару слов. Но даже это ощущение причастности к управлению и решениям наполняло её сердце неизъяснимым стремлением.

Если всё так и пойдёт, сможет ли она к сорока годам, подобно деду, единолично ведать указами и обладать властью, потрясающей Поднебесную? Она уже не раз слышала истории о том, как дед неспешно прогуливался по берегу императорского канала, сочиняя стихи, наслаждаясь ветерком и луной. Сможет ли и она, унаследовав дело деда, оставить после себя предания, которые будут передавать из уст в уста по всей империи?

Ваньэр знала, что двор — это мутная вода. Знала и то, что такая конфискованная служанка, как она, не может ни стать чиновником или канцлером, полководцем или министром наверху, ни восстановить семейное дело и поддержать род внизу. Ей и впрямь не следовало бы питать таких несбыточных надежд. Но стоит человеку приблизиться к вершинам власти, вкусить их сладость — и уже почти невозможно отступить. Иначе почему столько сановников, зная о случаях, когда интриги губили целые семьи, о превратностях судьбы и небезопасности положения, всё равно ломали головы, стремясь пробиться наверх?

Ваньэр вздохнула, повернулась на бок и лениво уставилась в пространство перед собой.

Рассвет ещё не наступил, внутри и снаружи комнаты царил полумрак. Лишь одна лампа в углу внешнего помещения слабо светила, её тусклый свет пробивался сквозь полог, изредка сопровождаемый сдержанным чиханием маленькой служанки.

Ваньэр знала, в чём дело. Уголь во дворце выдавался по строгой норме. Такой пятирунговой Цайжэнь, как она, полагалось угля достаточно лишь на обогрев внутренних покоев. В наружных же помещениях использовался уголь похуже, при горении дававший лёгкую сизоватую дымку, да и количества его было меньше. У неё здесь было так тепло, что хватало одного шёлкового одеяла, а дежурные служанки в наружной комнате дрожали, прижавшись к жаровне, — но даже это было куда лучше, чем мёрзнуть на улице. Когда она только попала в чертог Цзычэнь, им выдавали чёрный уголь, от которого слезились глаза.

Каждый год несколько человек во дворце, используя такой уголь, засыпали и больше не просыпались. Однако способ управления Дворца Етин заключался не в том, чтобы выдать лучший уголь, а в том, чтобы разрешить жечь лишь одну жаровню на комнату.

Ваньэр до сих пор помнила те холодные ночи, когда она прижималась к матушке. Сколько бы одеяло ни сушили на солнце днём, ночью оно всё равно было холодным и жёстким, как камень. Когда холод становился невыносимым, несколько человек в комнате собирались вокруг жаровни, теснясь, чтобы согреть руки, — и их чихание было куда громче, чем у этих двух служанок.

Ваньэр усмехнулась, накинула одежду и поднялась. У двери она увидела, что обе служанки уже встали и почтительно поклонились: «Госпожа Цайжэнь».

Ваньэр кивнула: «Хочу почитать. Зажгите свет».

Глаза служанок загорелись. Одна тут же пошла за углём, чтобы разжечь жаровню рядом со столом в наружной комнате, другая вышла позвать людей. Вскоре явились слуги, чтобы помочь Ваньэр одеться и умыться, зажгли высокие свечи, прогрели сиденья, разложили бумагу и

кисти, возожгли благовония в курильнице. Лишь после того, как императрица У поручила Ванъэр те дела, эта Цайжэнь по-настоящему обрела подобающий пятому рангу облик: в пределах Императорского города она могла передвигаться в паланкине согласно рангу, выезжая за ворота — в экипаже, у неё появились приличные покои и в основном дворце, и в загородных резиденциях — не какие-нибудь каморки под боковыми галереями, количество прислуги также увеличили по стандарту для Цайжэнь, и даже у госпожи Чжэн прибавилось две служанки.

Порой Ванъэр ловила себя на мысли, будто и впрямь стала наложницей в императорском гареме, только приняла её в гарем не император из рода Ли, а вдовствующая императрица из рода У. Даже её обхождение с императрицей У всё больше походило на отношения государя и наложницы: днём помогать одеваться, заботиться о повседневных нуждах, ночью — развлекать, развеивать тоску, прислуживать в опочивальне.

Жаль, что императрица У всё же женщина, и, считаясь с общественным мнением, лишь временно использовала Ванъэр для этой игры в «феникса-самку и самца». Когда её власть окончательно укрепитя, наверняка найдётся один-два мужчины, которые заменят Ванъэр в деле подлинного развеивания тоски и утех.

Вспомнив слова, которые вчера сказала императрице У принцесса Цяньцзинь, Ванъэр опустила глаза, и в сердце её зашевелилось лёгкое неудовольствие.

Эта принцесса и раньше держалась близко к императрице У, а теперь, когда та стала вдовствующей императрицей, и вовсе выказала предельную почтительность. Великая старшая принцесса государства, по старшинству приходившаяся императрице У тёткой, добровольно принижалась перед ней. Не прошло и года со смерти покойного императора, а она уже спешила рекомендовать императрице мужчин, умудряясь говорить такие слова, как «талантлив и могуч, не чета обычным орудиям». Куда же она девала память о покойном императоре?

Самое же отвратительное — рекомендовала она какого-то прощелыгу-торговца снадобьями.

Лишь представив выражение лица принцессы Цяньцзинь в тот момент, Ванъэр невольно нахмурилась. Во рту у неё уже некоторое время был ароматический леденец, пора бы выплюнуть его в плевательницу, но она, забывшись, сглотнула. К счастью, леденец был сделан из цветочных лепестков, и проглотить его было нестрашно. Однако то, что она так разволновалась из-за постороннего дела, казалось неправильным.

Ванъэр нахмурилась ещё сильнее, подошла и села за стол, где уже стояла миска с лапшой в бульоне. Повара в дворцовой кухне были прожжёнными хитрецами, до тонкостей изучившими предпочтения всех обитательниц. Зная, что сегодня у Ванъэр выходной и она не избегает запаха баранины, они приготовили лапшу на бараньем бульоне. Мясо было тушёным, очень мягким, в миске щедро насыпали перца и лука, лапша была нарезана тонкими полосками в палец шириной. В маленькое блюдечко подали пюре из ароматного апельсина с чесноком, добавили соломку имбиря. Всё это подавали дымящимся, аромат разносился соблазнительный, вызывая слюнки.

Однако Ванъэр лишь слегка откусила пару раз и отложила палочки. Помедлив ещё и ещё, наконец приказала служанке: «Сходите, посмотрите, не проснулась ли вдовствующая императрица? Не звала ли она меня?»

Примечание автора: Завтра, возможно, придётся уехать. Если успею, обновлю вечером, если

нет — послезавтра днём выложу две главы.

<http://bllate.org/book/16278/1467156>